

Материалы Г. Х. Богданова по фольклору и этнографии карелов в научном архиве КарНЦ РАН¹

Григория Харитоновича Богданова (1900—1938) можно назвать первым севернокарельским республиканским деятелем, собирателем и исследователем народной культуры карелов. Он совсем молодым во время Гражданской войны командовал партизанским отрядом на севере Карелии. В 1920-х годах Г. Х. Богданов работал в высших органах государственной власти Карельской трудовой коммуны, принимал участие в строительстве Советской Карелии, особенно много занимаясь вопросами народного образования и просвещения, а также журналистской и общественной деятельностью. Он стоял у истоков создания в 1926 году первой писательской организации Карелии (КАПП), а в 1931 году вошел в состав ее правления. Он учился в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда, в аспирантуре АН СССР; преподавал в ЛГУ и Педагогическом институте им. Герцена, писал научные статьи. По сути, он является одним из основателей карельской этнографии, фольклористики и лингвистики.

Г. Х. Богданов первым из уроженцев Северной Карелии начал планомерный сбор и исследование фольклора и языка родного народа. Фольклорно-этнографический материал, записанный им в конце 20-х годов прошлого века, хранится в нескольких коллекциях Научного архива КарНЦ РАН (НА КарНЦ РАН). Это рукописный фонд номер 1, опись 2, коллекции 1, 11, 50, 91, 154. Здесь находятся фольклорные тексты, а также экспедиционные отчеты и рукописи статей Г. Х. Богданова. В фонде 1, описи 18, деле 22 есть его краткая автобиография².

Фольклорные тексты зафиксированы на листах разного формата, больших и маленьких. Записи сделаны то ручкой, то карандашом, по-

¹ Статья подготовлена в рамках плановой темы: «Фольклорные традиции и рукописная книжность Карелии в общерусском и финно-угорском контекстах». № 0225-2014-0016.

² Полная автобиография Г. Х. Богданова опубликована. См.: *Иванова Л. И. Григорий Харитонович Богданов — общественно-политический деятель и первый северно-карельский собиратель и исследователь народной культуры и языка // Краеведческие чтения-2017. Материалы XI науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2017. С. 279—297.*

черк меняется в зависимости от ситуации и места сбора материала или перевода текстов на русский язык. Следует подчеркнуть исключительную грамотность автора.

В коллекции № 1 находятся рукописные материалы А. Войнова, А. Ф. Муллиева и Г. Х. Богданова. Записи последнего относятся к 1928 году, они сделаны в Кестеньгском районе³: одна кадрильная песня из Софьянги; четыре ёйги, по напеву и содержанию очень похожие на плач, исполнила в Кестеньге 56-летняя Опрокка (Опросинья) Кемова: *"Govorinna kolme sauna"*, *"Vierettelöy alla vihmasuven"*, *"Suurella pyhällä jäi suajasen marja"*, *"Anna soittelou sotkani"*. От неё же зафиксированы детская считалка, заговор от железа и от укуса змеи. Под номерами 35 и 36 — два варианта лиро-эпической свадебной песни *"Anni tyttö, aino neiti"* из Оуланги. В этой же деревне Г. Х. Богдановым был записан свадебный обряд. Это одна из самых первых фиксаций севернокарельского ритуала. В д. Хямех от Татьяны Аксентьевой записано четыре ёйги, адресованные собирателям, уходящему на учебу человеку, торговцам и девушке.

Традиция ёйганья была распространена в двух северных районах Карелии: Калевальском и Лоухском. В 1836 году впервые этот жанр обнаружил финляндский собиратель Й.-Ф. Каян. Количество текстов, записанных в течение XIX века, было немногочисленным. Пристальный интерес к этому жанру проявил А. О. Вьяйсянен, найдя в 1915 и 1918 гг. ёйги в тринадцати деревнях от Княжой Губы до Вокнаволока. Г. Х. Богданов записал первые восемь из восьмидесяти девяти ёйг, хранящихся в архивах ИЯЛИ КарНЦ РАН. Составители сборника «Карельские ёйги» Н. А. Лавонен и А. С. Степанова включили в издание семь его текстов: две досвадебные ёйги, четыре бытовых (мать провожает сына в армию, встречает из Финляндии и с лесосплава) и ёйгу, которую Татьяна Аксентьева исполнила для самого собирателя.

В коллекции № 50 только два текста записаны Богдановым, номера 46 и 47. Две эпические песни спела в Кимасозере 17 августа 1927 года 68-летняя Дарья Тимофеевна Лазарева: одна — о ранении Вяйнямёйна железом (топором) во время строительства лодки *"Oli vanha Väinämöini"*, вторая — о рождении огня *"Iski tulta ilman ukko"*. Им здесь же сделаны переводы на русский язык.

Любопытная запись обнаружилась на обратной стороне архивных документов. На нижней половине листа большого формата, в линейку, сохранился отпечаток от ранее поставленной кастрюли или сковороды, а в верхней части листа находится, вероятно, письмо, адресованное любимой девушке (скорее всего, будущей жене Надежде Николаевне Мартыновой), написанное карандашом. Поражает стиль послания: «Что

³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 2. Колл. № 1.

за вечное дрожание и трепетание перед будущим! Неужели нельзя любить и быть счастливым по-настоящему, а надо непрестанно выстраивать крепости и обводить каменные стены вокруг любимого существа. Поверь, что самые лучшие крепости — это сознание обоюдной свободы. Ты не подозреваешь, какая во мне богема, какая назойливая жажда жизни, какая неугомонная натура. Чья кровь бурлит во мне? Чьё наследие дало мне эту дерзость ума и воли, эту энергию и веру в свои силы и эту страстную натуру, которую я не мог победить? Иногда я с горечью думаю, что (ты. — Л. И.) была бы счастливее, если бы судьба поставила меня несколькими ступенями ниже на лестнице увлечения»⁴. Таким удивительным образом слегка приоткрывается тайная завеса перед личной жизнью Богданова.

В коллекции № 91 хранятся материалы, собранные Богдановым в Пряжинском районе (встречается название только одной деревни Святозеро) в 1927—1928 годах. Единица хранения № 1 включает 50 вариантов частушек. На обратной стороне одного листа, записи на котором датированы 27 февраля 1928 г., имеется еще одна любопытная находка: три портретные зарисовки карандашом⁵. На двух изображены зрелые мужчины интеллигентного вида, а на верхней части листа — кудрявая круглолицая голова: именно так юного Ристо (как называли его односельчане. — Л. И.), описывали земляки. Два первых изображения, возможно, посвящены учителям: Николаю Яковлевичу Марру (1865—1934) и Дмитрию Владимировичу Бубриху (1890—1949).

Всего в этой коллекции 408 частушек, две песни, одна детская сатирическая считалка о киндасовцах (*“Kindahankylä, savikylä”*), восемь свадебных плачей, три сказки (одна новеллистическая и две волшебные — о трех царских дочерях, которых уносит вихрь *tuulijäisvihkuri*, и юноше, отправляющемся их искать *“Kolme cuarin tytärtä ta poika”*, и «Сказка о бедном и богатом братьях»), также есть один кумулятивный стих, в нем около 200 строк (*«Lähti Kiitta kalad suamaa... / Пошел Кит Рыбу ловить...»*), и один текст по обрядовому фольклору. В последнем описывается сакральное место в д. Виданы: святой ельник (*pyhä kuusikko*), который растет на острове, расположенном посреди реки. Там же стоит часовня Святого Николая. Как указывает Г. Х. Богданов, там до сих пор в Ильин день приносят в жертву овцу или барана.

На листе 82 записан адрес: Ленинград, В.О., 7-я линия, дом 2, кв. 26. И дата: 21 февраля 1928 года. Это один из знаменитейших адресов Петербурга, жилой дом Академии наук, его называют Домом академиков. Здесь еще в XVIII веке стояли два здания, которые объединил

⁴ Там же. Колл. № 50. Л. 177.

⁵ Там же. Колл. № 91. Л. 9.

архитектор Савва Иванович Чевакинский в 1757—1758 годах. В 1806—1808 гг. здание снова перестроено по проекту архитекторов А. Д. Захарова и А. Г. Бежанова. В доме жили выдающиеся деятели русской науки. На фасаде размещено 29 мемориальных досок, посвященных ученым. Кроме того, в этом доме жили еще около 30 известных ученых, которым мемориальные доски не установили. С 1918 по 1934 год здесь жил академик Н. Я. Марр. Первоначально именно в его квартире располагался образованный в 1921 году Институт яфетических изысканий, где в аспирантуре учился Г. Х. Богданов.

В тексте под номером 17 стоит дата — 8 марта 1928 года.

В коллекции № 154 находятся подлинники девятнадцати отчетов «экспедиций в карельские районы по сбору карельского и венского фольклора за 1927—1940 годы»⁶. Под первым номером на восьми страницах хранится рукописный отчет Г. Х. Богданова за 1927 год. Он написан в Ленинграде 25 октября 1927 года на русском языке, называется: «Доклад от сотрудника северо-западной этнологической экспедиции Богданова Г. Х. о командировке, длившейся с 12 июня по 25 августа 1927 года в Ухтинский район АКССР»⁷.

Д. А. Золотарев поставил перед Богдановым задачу обследовать обозначенный район и записать фольклорный и словарный материал. В качестве недостатков, которые сказались на выполнении задания, Богданов называет следующие: во-первых, необходимо было охватить максимальную территорию, поэтому нельзя было подолгу находиться в одной деревне; во-вторых, много времени тратилось «на длинные и тяжелые переходы»; в-третьих, было лето, и «население от мала до велика находилось на покосах»; в-четвертых, много времени тратилось на обязанности переводчика (с карельского на русский язык и наоборот).

3 июля он приехал в Вокнаволок, где записал четыреста отдельных слов, четыре отрывка из заговоров и отрывок из свадебной песни. Специально съездил в Пиргтигубу, «где, по словам граждан, проживал колдун, знающий заговоры, но не застал его дома. Он ушел на покосы на несколько дней»⁸.

Далее Богданов подробно перечисляет, что от кого было записано и где был собран материал. Следует обратить внимание на достаточно подробные данные об исполнителях: практически всегда указывается фамилия, имя, отчество, возраст и место записи. В результате данной экспедиции были обследованы деревни Ухта, Вокнаволок, Суднозеро,

⁶ Там же. Колл. № 154. Л. 1.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Ладвозеро, Каменное озеро, Бабья Губа, Костомукша и Контокки, Кимасозеро. Были записаны руны и заговоры, свадебные и другие песни, сказки, поговорки и загадки, детский фольклор, свадебный обряд и «колдовство». Он указывает, что собранный материал представляет «исключительный (зачеркнуто, сверху написано: значительный. — Л. И.) интерес» для дальнейшей научной работы. Планируя следующие поездки, он обращает внимание на необследованные деревни Вуокинсальма, Нискаярви и маленькие хуторки, оставшиеся в стороне от маршрута, а также направление Паданы — Кимасозеро — Бабья Губа.

В отчете есть нелестные заметки о «профессиональном типе сказителя», разбалованном финляндскими собирателями, активно записывавшими здесь фольклор еще в XIX веке. «Он в первую очередь начнет разговор о своем плохом материальном положении, о том, что тот-то собиратель платил по двадцать марок в день, тот угощал вином, покупал платки, кофе, сахару и т. д. У них на первом плане деньги. Без денег они разговаривать не будут, приклеивая в конец каждой песни слова: *“En mie rahatta laula... kopeikka koko sanalta, Penni kielen kiäntimentä.* Я без денег не пою, копейку за полное слово, пенни за поворот языка“. С ними приходится быть осторожными, особенно с колдунами. Несколько примеров. В Ухте старушка, почти не знающая ничего, ругалась всюю при моем уходе, когда я не дал ей денег. В Бабьей губе колдун полчаса торговался со мной об условиях, на которых он сообщает мне заговоры. И когда мы условились платить за день, то его знаний хватило еле-еле на два часа для записывания. Но есть, конечно, еще люди старого закала. Они сообщают не ради денег, а просто поют, раз поется. Их мало и с каждым днем они редуют. Старик Агоев, 99 лет, в Ладвозере был одним из них, но он не мог уже петь. Начинал и тут же, кашляя, кончал, ложась на скамейку. Старость одолела его. Но когда он начинал петь старые руны, то в них чувствовалось что-то от далекого прошлого»⁹.

Здесь же Богданов пишет, что под впечатлением от того, что «старые руны и рунопевцы уходят», он начал собирать материал о Мийхкали Перттунене из Ладвозера. И далее ставит перед собой задачи: установить «источники рун и районы их распространения»; причины «вымирания рун» и количественный и качественный характер протекания этого процесса; изменения формы, языка и содержания рун; выявить наиболее сохранившиеся жанры. Особый интерес, по мнению Богданова, представляет материал, записанный по свадебному обряду и свадебной лирике в д. Каменное озеро «со слов свахи-профессионалки». Отвечать на эти вопросы он будет в последующие годы в своих статьях и при написании диссертации.

⁹ Там же. Л. 3.

В коллекции № 11 сосредоточены материалы, имеющие отношение непосредственно к личности Г. Х. Богданова. На данный момент эта бесценная коллекция отсканирована, но у нее нет копии. Предстоит еще большая работа по подробной расшифровке старых, выцветших, исписанных то карандашом, то ручкой листов и листочков разного формата. А также необходим перевод всего материала на русский язык, чтобы он был доступен широкому читателю. Дело составлено на основе предыдущих коллекций, хранившихся до этого в архиве: листы имеют двойную, а то и тройную нумерацию; включает в себя две папки: в одной содержатся рукописи статей Г. Х. Богданова, во второй — полевые материалы. Рассмотрим только ту её часть, которая имеет отношение к экспедициям. Листы 311—317 названы «Из дневника экспедиции». Сами материалы, к которым относится дневник, находятся в коллекции № 1. Они написаны карандашом, размашистым почерком, частично по-русски, частично по-фински. «Из Ленинграда выехал 3 марта 28 года. Прибыл в Петрозаводск, там справлял различные экспедиционные дела, получил удостоверение, маузер... Получил сто рублей. Пробыл в Петрозаводске 8 дней, выехал из Петрозаводска в Лоухи 11.03.28, куда прибыл 12 утром. Поезд опоздал на 5 часов... В тот же день направились в Кестеньгу... Прибыл в Кестеньгу 13.03.28»¹⁰. Далее следуют краткие заметки, от кого и что записывал, например: «Опросинья Егоровна из Кестеньги, 56 лет, пела мне 13 и 14 марта. С ее слов записал три отрывка заговоров (*Ravvan synty, Tulen synty, Mavon vihojen otto*), одну мужскую песенку, 9 отрывков ёйг (*joikuja*). Поют их о сыне, взятом в солдаты, о разносчиках, о сплавщиках и о нас. Опросинью можно пригласить в Петрозаводск»¹¹. На 315 листе записано поверье: «Нельзя бить кнутом по земле, лошадь будет чахнуть». Здесь же сделана заметка: «народный учитель Рийё Никитин по моей просьбе записал мотив ёйги. Я записал слова». Внимания заслуживает еще один комментарий собирателя: «Опросинья сначала боялась петь, потому что сейчас великий пост, и когда было предложено денег, то сразу согласилась. Певица недовольна, что я дал только три рубля... даже не попрощалась со мной... что ж поделать»¹².

В первой папке данной коллекции 136 рукописных листов или 108 номеров различных фольклорно-этнографических текстов. Записаны они в 1927 году в Калевальском районе. Это деревни Каменное Озеро, Бабыя Губа, Ухта, Суднозеро, Ладвозеро, Вокнаволок, Вонгозеро. Больше всего записано текстов калевальской метрики: более сорока рун на различные сюжеты (Состязание Вяйнямейнена и Ёуокахайнена,

¹⁰ Там же. Колл. № 11. Л. 311.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 315.

Лемминкяйнен в Пяйвяле, Четыре девы, Вяйнямёйнен делает лодку и кантеле, Сваговство Вяйнямёйнена в Похьёле, Состязание Вяйнямёйнена и Илмаринена во время сватовства, О холодной деве Похьёлы, Сотворение сампо и др.), около десяти свадебных песен, более двадцати заговоров, несколько колыбельных песен. Многие образцы эпической поэзии переведены им на русский язык. Записывал Богданов и детский фольклор, пословицы и восемь частушек, этот жанр, по его мнению, не был распространен в Северной Карелии. Зафиксировал он и две сказки, а также свадебный обряд в д. Каменное Озеро (*Kivijärven häämenot*).

Одними из самых интересных материалов коллекции № 11 являются собранные Богдановым образцы мифологической прозы и заклинательной поэзии. Им записано восемнадцать быличек и семь заговоров. Прежде жанр былички в данном регионе отечественными собирателями никогда не фиксировался. Более того, в Научном архиве КарНЦ есть только единичные тексты быличек, записанные до 70-х гг. XX века: мифологическую прозу начали активно собирать только в конце столетия. Таким образом, выявленные Богдановым былички не только самые ранние, но это и одна из самых крупных коллекций во всем Научном архиве КарНЦ.

Былички записаны карандашом на пяти листах большого формата, в линейку. Примечательно, что каждая быличка названа самим собирателем. После заглавия в скобках он каждый раз пишет *taru* (предание, сказание, миф), тем самым как бы подчеркивая, что информанты рассказывали эту историю как мэморат, а не как вымысел, сказку. Уверенность в реальности происходящего подчеркивается тем, что справа от каждого текста на полях им же делается приписка, в какой деревне произошло данное событие: «Случилось в Пахкахонге (Войнице, Пирттилахте) — *Tapahtunut Pahkahongalla (Vuonnisessa, Pirttilahdessa)*»; «*Nähneet Kuurälän akat — Видели женщины из Кююрялы*».

Девять из восемнадцати быличек посвящены хозяевам воды, которых рассказчики называют *vetehine* (водяной). Сюжеты некоторых из них традиционны: водяной держит невод; водяная сидит на камне и расчесывает волосы; коровы водяной выходят на берег; водяной забирает мальчика; водяной топит лошадей; люди мучают ребенка водяного. Есть один очень редко встречающийся сюжет о женщине, которая становится женой водяного. Два сюжета не фиксировались больше нигде: о собаке водяного и о лаптях, уносящих в озеро. Былички о леших и бесах (их шесть) отражают позднюю стадию развития верований, когда эти два образа практически сливаются воедино. Две былички повествуют о колдовском мастерстве. Еще в одном мифологическом рассказе возникает также более нигде не встречающийся персонаж *tuulispää* (голова ветра).

Заговоры, собранные Г. Х. Богдановым, являются одними из первых заклинательных текстов, появившихся в Научном архиве КарНЦ РАН. Их основные темы: происхождение тех или иных явлений (рождение мороза; рождение ветра; рождение банного пара) и лечебные (лечение ноги лошади; остановка кровотечения; лечение «зла *viga*», причиненного калмой, камнем, змеей, лягушкой).

Многие заговоры, собранные Богдановым, сопровождаются описанием обрядовых действий. Например, «если пристанет от воды, надо сделать ольховый веник, ветки в который надо сорвать с трех мест, с каждого по три ветки, и связать их красной шерстяной нитью. После этого больного парят и читают заговор»¹³. Это записано от 80-летней Оути Мякеля 13 июля 1927 года в д. Вокнаволоок.

На последних листах коллекции имеется еще один рукописный отрывок из эпической песни «*Anni tyttö, aino tyttö* — Анни дочь, единственная дочь». Текст записан в Ладвозере 24 июля 1928 года от 86-летней Оути Кархуевой, отличается интересными деталями. На карельском языке запись сделана красными чернилами, двумя разными почерками Ристо Богданова. Справа — его же незаконченный перевод руны на русский язык, написанный черными чернилами¹⁴.

Предлагаемый обзор дает краткое представление об уникальности фольклорно-этнографического материала, собранного Г. Х. Богдановым в 1927—1928 годах и хранящегося в Научном архиве КарНЦ РАН.

¹³ Там же. Л. 319.

¹⁴ Там же. Л. 321—322.